

С. Ш. ТУРСУНАЛИЕВ

(Институт философии и политico-правовых исследований НАН КР, Бишкек, Кыргызстан)

ОБРАЗНО-ЭКСПРЕССИВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО В КЫРГЫЗСКОМ ЭПОСЕ «ГУЛГААКЫ»

Аннотация. В статье впервые анализируется образно-эмпирическое своеобразие кыргызского эпоса «Гулгаакы», которое в кыргызской философской науке не исследовано. Рассматриваются экспрессивные особенности образно-эмпирического сознания кыргызов, воплощенного в эпосе.

Ключевые слова: эпос, эмпирическое, чувство, сердце, скорбь, страдание, образы, кыргызы, калмыки.

Түрек сөздөр: эпос, эмпирикалық, сезім, жүрек, қайғы, қайғы-қасірет, образдар, қырғыздар, қалмақтар.

Keywords: epic, thumb, feeling, heart, sorrow, suffering, images, kyrgyz, kalmyks.

В эпосе «Гулгаакы» объемный арсенал эмпирического находит свое отражение во многих текстовых и художественных фрагментах. Существенным преимуществом обладают несколько понятий, ярко воплощающих чувственный мир. В их число следует отнести понятие «көңүл» – «сердце, чувство», которое подается в виде отдельной лексемы или словосочетания, и имеет свойство наиболее полно воспроизводить эмпирическую особенность сказания. В частности, сочетание «өктөм көңүл»¹ – (непокорное сердце) указывает на отсутствие чувственного восприятия другого субъекта с позиции неприятия. Например, именно в такой форме показан образ Гулгаакы,

¹ Гулгаакы. – Ф.: Кыргызстан, 1968. – С. 29.

которая не сможет принять и полюбить Ажымулука. Словосочетание «көңүлү ачык күлүндөйт»² (сердце улыбается открыто) также имеет отношение к искреннему восприятию и ощущению субъекта, позитивно и любовно воспринимающего другого человека. В предложении «көтөрүп көңүл ачышты»³ («подняли хорошее настроение») дается поверхностное применение лексемы «көңүл» в контексте подъема эмоционально-чувственного состояния, приравненного к радостному ощущению. Если понятие «көңүл» является неким «вместилищем», емким «агрегатом» чувственного мира, то понятие «жүрөк» («сердце») еще глубже вскрывает природу эмпирического. Народное сознание уделяет большое внимание этому понятию, раскрывая ее суть в сочетании лексем и предложений, по смыслу тесно связанных друг с другом. Глубину эмпирического мира мы находим в предложении «жүрөкке жүрөк тийишип, сүйүнүн калкып көлүнө»⁴ («сердце с сердцем заигрывает, купаясь в озере любви»). Безусловно, здесь речь идет о душевной любви Гүлгаакы и Гүлжигита, в которой не только ангажируется близость двух сердец, но и заключается целый мир, представленный в виде образно-экспрессивного материального объекта – озера, как резервуара внутренних эмоций. Тем самым, через эмпирическую гармонию героев иллюстрируется масштабность их чувств, широта взаимного восприятия и ощущения. В качестве дополнения к сказанному, служит предложение «жүрөкке жүрөк жанашып»⁵ («сердце к сердцу соприкасается»), воплощающее большую близость персонажей. Данная тема усиливается с точки зрения образно-метафорических сравнений, когда чувство Гүлгаакы преподносится в динамично-интенсивном контексте. В конструкции «аттай туйлап токтобой, сүйүнчүдөй жүрөгү»⁶ («как у жеребенка, сердце у нее радостное безостановочно запрыгало»), любовное чувство героини становится синонимом радости и счастья, и идентичны искреннему восприятию (о мужской и женской гармонии упоминается в книге «Кыргызы»⁷). Однако возвышенный характер чувственного резко меняется в эпизоде, когда Гүлгаакы воочию видит убитого Гүлжигита. Эмоционально-экспрессивный и высокий пафос чувственного опускается до низменно-сентиментальных впечатлений. Это дается в конструкции «жүрөгу жалын от болду, ичи күйүп чок болду»⁸ («сердце у нее превратилось в пламя, а внутри все сгорело, как зола»). Через чувственное ощущение здесь выражается психологическое и эмоциональное потрясение героини, испытывающей объемность потери и масштабность трагической ситуации. При этом, поражает контрастная форма подачи эпизода. С одной стороны, чувственное восприятие возвыщенно, ибо оно фигурирует в образе пылающей энергии («жалын»–»пламя»), доказывающей об огромном необратимом лишении. Однако, с другой стороны, чувственное ощущение низменно, поскольку внутренний мир человека как бы исчезает, полностью уходя в тлеющую черную бездну («чок болду»–»сгорело, как зола»). В итоге, большое становится малым, светлое – темным, возвышенное – низменным. Вместе с тем, трогательно-утешительный маневр народного сознания демонстрируется после гибели героев в конструкции «бүгүнкү шайыр жаштардын жүрөгүндө жүргөнсүйт» («ощущение, что они живут в сердцах современной молодежи»). Здесь идет прямой посыл на то, что личные чувства главных персонажей являются подвигом бессмертия, трансформируясь в новую форму. Доминирующим элементом чувственного тут выступает снова понятие «жүрөк» (сердце). Метаморфоза образов, заключающаяся в превращении образа в качественно другое явление, также считается характерным признаком эпического мышления. Следует обратить внимание еще на один сегмент эмпирического, тоже ярко отражающий чувственный феномен. Это понятие «күйүт» (скорбь, обида), которое высвечивает глубинные стороны эмоционального в эпических характерах. В частности, в предложении «суу сепсөн кайра жалындар, күйүтүм толду ичиме»⁹ («как воспламенение от пролитой воды, скорбь переполняет всю мою внутренность») показан элемент драматической горечи, обиды и досады, приближенный к трагическому восприятию. При этом в образной форме воплощается температура контрастирующего внутреннего ощущения, сочетающего пламя горечи и холод потери. Именно так рисуется

² Гүлгаакы. – Ф.: Кыргызстан, 1968. – С. 97.

³ Там же. – С. 133.

⁴ Там же. – С. 102.

⁵ Там же. – С. 139.

⁶ Там же. – С. 131.

⁷ Кыргызы: 14-томник. XI-том. – Б.: Бийиктик, 2011. – С. 517.

⁸ Гүлгаакы. – Ф.: Кыргызстан, 1968. – С. 155.

⁹ Там же. – С. 156.

момент, когда Гұлгаакы, получив весть о смерти Гүлжигита, показывает свою непокорность врагам, stoически сопротивляясь их действиям. Эта же лексема фигурирует в устойчивом словосочетании «күйүткө салба башымды»¹⁰ («не обрекай мою голову на страдание»), имеющем в своей основе чувственное неприятие какой-либо негативной затеи, могущей отрицательно повлиять на последующий ход событий и отразиться в судьбах людей. Данные эпические идеи подтверждают мысли эмпирика Локка о том, что на чувственном опыте и происходят наши знания¹¹.

Чувственное вмешательство природы в художественную ткань произведения – неотъемлемый закон эпического жанра. Для данного сказания характерно то, что она (природа) становится одним из «действующих лиц» повествования, и появляется тогда, когда в сюжетику вводится трагический пласт. На действия завистников, желающих убить героев, переживательно реагирует сама природа, наполненная отчаянием и тревогой.

«Айдын жузүн асманда
Ала булут басыптыр...
Үн-сөзсүз жатат түн кептап,
Жарыктык Соң-Көл мелтире.
Толкунун чачып шарп этип,
Душманга ачуу келтире.
Жабышкан чөпкө шүүдүрүм
Көз жаштай агат тамчылап.
Боору калың кара жер
Болукшуп турат кансырап.
Бооруна тартып жаштарды
Боздотор очу барчылап»¹².

Среди местной тишины,
Накрыли тучи свет луны...
Врагу гнев свой выражая,
Буйные волны отпуская,
Безмолвно, в тишине ночной
Лежит Сон-Куль святой.
С травкою вместе роса,
Капает, как плачут глаза.
Твердая почва земли
Будто плачет от тоски.
Будто кровью иссякая,
Молодых к груди взывая».

К данному приведенному отрывку не следует подходить анимистически или антропоморфически. Природа не только говорит человеческим голосом, она наполнена искренним гуманизмом и человеколюбием. Эмпирический дух природы поражает нас не только своей монолитной конфигурацией, но и умением по-человечески реагировать на негативные явления. Это отражается в трансформации настроения луны, негодовании озера, глубокой сентиментальности и жертвенности земли. В эту картину включена и растительная флора. Данный портрет природных явлений создает общий «ансамбль» чувственного мироздания, как бы полностью переживающего за судьбу героев. В этом смысле природа и окружающая среда начинают играть роль отдельного человеческого персонажа, которому свойственны чувственно-гуманистические мотивы сострадания и сочувствия («плачут», «иссякает»).

Вершиной эмпирического, воплощенного в эпосе, становится героическая смерть Гұлгаакы и Гүлжигита, так и не сломленных под жестоким клано-националистическим гнетом «адата» – старых традиций и стереотипов. В этом плане, провозвестником бескорыстности и возвышенности чувственного выступает понятия «жертвенности» или «самопожертвования», которые не только глубоко раскрывают любовную тематику, но и масштабно высвечивают новаторскую народную мысль о высоком и возвышенном чувстве, не знающем преград (этнических, клановых, семейно-бытовых и т.д.). При этом катарсис, испытываемый нами, иллюстрируется через трагическую смерть образов. Гұлгаакы, видя убитого Гүлжигита, решает покончить собой, ибо для нее жизнь бессмысленна без него, и суицид является неким осознанным долгом, частью субъективного морального долга.

«Күнөөлүү сага менмин деп,
Мен үчүн келип өлдүн деп,
Жаныңа кошо жатууга
Сен үчүн мен да өлдүм деп, –
Женине катып канжарын,
Гүлжигиттин үстүнө
Гұлгаакы да сулады»¹³.

«Во мне во всем лежит вина,
Ведь умер ты из-за меня.
Готова я лежать с тобой
За тебя умертвив собой, –
В рукаве
Со спрятанным кинжалом
Гүлжигиту свалилась рядом».

¹⁰ Гұлгаакы. – Ф.: Кыргызстан, 1968. – С. 127.

¹¹ Дж. Локк. Сочинения в 3-х т. Т.1. Опыт о человеческом разумении. – М.: Мысль, 1985. – С. 154.

¹² Гұлгаакы. – Ф.: Кыргызстан, 1968. – С. 141.

Перед нами не только акт добровольного отказа от жизни, но и подвиг непримиримой души с миром зла и корысти. Как видно из текста, наши герои вроде не совершают какой-то общенациональный героический поступок. Однако, здесь существует намек на то, что даже защищая свои личные чувства, и проявляя самоотверженность, человек в состоянии совершить высокий поступок в индивидуально-психологическом, философско-социальном, этико-нравственном контексте. Мы начинаем осознавать роль проявления общенационального в частном. Поэтому запрограммированность отрицательных персонажей старыми стереотипами, пусть даже оправданными с разумной точки зрения (разность традиций между калмыками и кыргызами), становятся объектами осуждения и порицания с чувственной позиции.

Выводы. Так, эмпирическое обладает своей спецификой, воплощенное через конкретные понятия, проблемно-жизненные фразы и словесные конструкции. Характерная его особенность заключается в том, что оно (эмпирическое) обладает субъективной природой, и выражает себя в строптиво-чувственной, сенсуально-гедонистической, сентиментально-возвышенной, природно-эмоциональной, респектабельно-оценочной, жертвенно-трагической, трогательно-оптимистической моделях, имеющих архетипы статики, динамики, легитимности, суициальности, памяти и натуральности. Так, архетип статики передается через строптиво-чувственную модель, воспроизводящая неприятие несимпатичного, жестокого и грубого («өктөм көнүл» – «непокорное сердце»), наличие душевной загадочности («көңүлдөгү сыр» – «сердечная тайна»). Архетип динамики широко и масштабно представлен в поэме, относящийся к двум взаимодополняющим моделям. Сентиментально-возвышенная модель воспроизводится сквозь призму сердечно-чувственной автивности («аттай туйлап жүрөгү» – «как у жеребенка, у нее сердце запрыгало»), душевной открытости («сүйөм десен қызы мына» – «хочешь любить, девушка перед тобой»), радостного ощущения («көңүлү ачык күлүндөйт» – «сердце улыбается открыто») и т.д. Для сенсуально-гедонистической модели характерны мотивы физической близости («моюндан ие кучактап» – «обнимаются, сгибая шею»), чувственно-любовного расстворения («коргошундай балкылдап» – «горит в блаженстве, как свинец»). Особенность архетипа натуральности заключается в природно-эмоциональной модели, характерным признаком которой является негативная реакция природы на некоторое безнравственное поведение человеческого общества. Ее главными атрибутами являются глубоко эмоциональное переживание («жабышкан чөпкө шүүдүрүм, көз жаштай агат тамчылап» – «с травкою вместе роса, капает, как плачут глаза»), безысходное трагическое ощущение («боору калың кара жер, болукшуп турат кансырап» – «твердая почва земли, будто плачет от тоски»). Архетип легитимности отражается посредством респектабельно-оценочной модели, в которой субъективный образ правителя получает позитивный отзыв («калкынын болду сүйгөнү» – «стала любовью своего народа»). Жертвенно-трагическая модель открывает завесу к архетипу суициальности, в котором чувственный характер лишает себя жизни во имя возвышенной любви («сен үчүн мен да өлдүм деп» – «за тебя умертвив собой»). Через архетип памяти мы воспроизводим трогательно-оптимистическую модель, осмысляющую сентиментальность индивидов как возвращение в современную жизнь («бүгүнкү шайыр жаштардын жүрөгүндө жүргөнсүйт» – «ощущение, что они живут в сердцах современной молодежи»). Точной соприкосновения рационального и эмпирического является понятие «акылман» – «мудрец», воплощающее как чувственное («жүрөгү туйлады» – «сердце запрыгало от радости»), так и рациональное («акылым бирге кошомун» – «разумом своим восполню»). Вместе с тем, в эпосе воспроизводятся все компоненты эмпирического: ощущение-восприятие-представление.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Гүлгаакы. – Ф.: Кыргызстан, 1968. – 168 с.
- 2 Локк Дж. Сочинения в 3-х т. – Т. 1. Опыт о человеческом разумении. – М.: Мысль, 1985. – 621 с.
- 3 Кыргызы: 14-томник. XI-том. – Б.: Бийиктик, 2011. – С. 612.

REFERENCES

- 1 Gylgaaky. F.: Kyrgyzstan, 1968. 168 s.
- 2 Lokk Dzh. Sochinenija v 3-h t. T. 1. Opyt o chelovecheskom razumenii. M.: Mysl', 1985. 621 s.
- 3 Krygyzy: 14-tomnik. XI-tom. B.: Bijiktik, 2011. S. 612.

¹³Гүлгаакы. – Ф.: Кыргызстан, 1968. – С. 157-158.

Резюме

C. Ш. Турсуналиев

(КР ҮФА Философия және саяси-құқықтық зерттеу институты, Бішкек, Қырғызстан)

ҚЫРҒЫЗ ЭПОСЫ «ГҮЛГААКЫДАҒЫ» ОБРАЗДЫ-ЭКСПРЕССИВТІК ЭМПИРИКАЛЫҚТЫ ПАЙЫМДАУ

Мақалада қырғыз философиалық ғылымында бүрын зерттелмеген қырғыз эпосы «Гүлгаакыдағы» образды-эмпирикалық өзгешелік алғаш рет талданып отыр. Эпоста жүзеге асқан қырғыздардың образдық-эмпирикалық сана-сезіміндегі экспрессивті ерекшеліктер қарастырылған.

Тірек сөздер: эпос, эмпирикалық, сезім, жүрек, қайғы, қайғы-қасіret, образдар, қырғыздар, қалмақтар.

Summary

S. Sh. Tursunaliev

(Institute of philosophy and political-legal researches of the NAS KR, Bishkek, Kyrgyzstan)

FIGURATIVE-EXPRESSIVE INTERPRETATION EMPIRICHESKOGOV KYRGYZ EPIC «GYLGAAKY»

In the article is first analyzed the figuratively-empirical originality of Kyrgyz epos «Gulgaaaky», which is not investigated in the Kyrgyz philosophical science. It reflects the expressive features of the figurative-empirical consciousness of Kyrgyz, embodied in the poem.

Keywords: epic, thumb, feeling, heart, sorrow, suffering, images, Kyrgyz, Kalmyks.

Поступила 05.06.2014г.